

— Нет, господин маркиз. Вы никогда меня не разочаровывали. — Монах Цю Тун протянул руку, желая погладить мальчика по голове, но, подняв её до груди, сам же смущённо опустил. — Ваш отец... Господин герцог велел передать весть. Вы очень скоро отправляетесь во дворец. Вы станете виночерпием девятого принца Мэнлуна. Вам потребуется постичь иное. Придворные няньки придут, дабы обучить вас необходимым манерам и обязательным талантам.

Заметив унылое выражение лица Синхэ, монах Цю Тун всё же протянул руку и пару раз легко похлопал его по плечу:

— Виночерпий будет вместе с принцем изучать грамоту, учиться верховой езде и боевым искусствам. Преподавать вам станут благородные господа жрецы и доблестные рыцари, а вовсе не рядовые монахи, подобные мне.

Синхэ поднял голову, изо всех сил стараясь казаться совершенно равнодушным:

— Да. Я знаю. Отец уже сказал мне об этом вчера.

Монах улыбнулся, отступил на два шага, кивнул и отвесил ему прощальный полупоклон. Синхэ закусил губу и тоже отвесил прощальный полупоклон. Цю Тун снял шляпу, прижал её к груди, толкнул дверь и торопливо зашагал прочь. Синхэ стоял неподвижно, не зная, следует ли ему закрыть дверь или выйти проводить гостя. В конце концов он не стал ни закрывать дверь, ни провожать монаха, а лишь механически опустил на стул перед письменным столом.

На столе лежала толстая «Иллюстрированная энциклопедия знати Империи Тяньцзюнь». Эту редкость монах Цю Тун одолжил в церкви. Судя по всему, уходил он далеко не так спокойно и невозмутимо, как выглядел внешне. Монах Цю Тун успел дойти только до рода Байлу. Род Байлу — наследные герцоги, один из древнейших родов столичного города Тяньцзюнь. Синхэ провёл пальцами по тиспнёному переплёту, чувствуя полное отвращение к мысли открыть книгу. Пока он тупо уставился на обложку, из коридора внезапно донёсся смех герцогини:

— Вот видите, я же говорила. Ребёнок очень усердный. Никогда не спит допоздна. Нянька, можете не беспокоиться. Мальчик послушнее не сыщешь.

Синхэ вздрогнул и торопливо поднялся.

В дверях стояли улыбающаяся герцогиня Лю Сян Фаньюань и с мрачным, буравящим взглядом нянька, а за ними толпились трое незнакомых слуг. Герцогиня была очень высокой и до ужаса худой, с густыми, пышными волосами — вся она напоминала догорающий факел. Сегодня на ней было строгое тёмно-серое парадное платье, а нижняя юбка топорщилась, словно раскрытый зонт. Подойдя к проходу, она слегка замешкалась, словно опасаясь застрять в дверях и не суметь протиснуться внутрь. На няньке было простое тёмно-синее облачение, подпоясанное широким чёрным кушаком с золотой вышивкой по краю. Она выглядела даже более чопорно и строго, чем монахини в храме. На вид ей было около сорока лет; хотя её лицо было гладким, как варёное яйцо, глубокий взгляд и тяжёлое выражение выдавали человека бывалого и много повидавшего.

Она гордо и решительно вошла в комнату, остановившись в трёх-четырёх шагах от Синхэ. Окинув его долгим взглядом с головы до ног, она изрекла:

— С виду вполне бодрый.

Герцогиня с трудом протиснулась через узкий дверной проём кабинета и, всё еще трепеща от пережитого волнения, поспешила следом, не скупясь на похвалы собственному сыну:

— Да он же ребёнок из рода Чуншань! Предки рода Чуншань брали в жёны не одну принцессу из эльфов Пустоты. Как же ребёнок из их семьи мог выглядеть не бодрым!

— Верно, эльфы Пустоты. — В уголках рта няньки промелькнула едва заметная улыбка. — Я читала «Иллюстрированную энциклопедию знати Королевства Цяньчжан». В книге записано именно так. Благородные эльфы Пустоты — ответвь тёмных эльфов; не желая воевать с эльфами Пустоты, они навеки покинули Тёмную Бездну и основали своё славное Королевство Ночной Луны в глубоких лесах Королевства Цяньчжан. Во время спора за земли с троллями из Темного Леса они получили помощь от короля Королевства Цяньчжан. Принцесса Королевства Ночной Луны полюбили доблестного короля Цяньчжана.

Очевидно, перед тем как явиться в резиденцию премьер-министра, нянька досконально изучила и заучила историю рода Чуншань. Хотя она щеголяла своими знаниями ненавязчиво и сдержанно, Синхэ всё же уловил скрытое на дне её души презрение и брезгливость.

— Эльфы Пустоты — одни из красивейших эльфов в легендах. Их глаза глубоки, как ночь, а кожа чиста, как лунный свет. Они — потомки Лунной Богини. — Читая это вслух, нянька одновременно косилась на глаза Синхэ. — Прошло уже десять тысяч лет с тех пор, как первая принцесса Пустоты вышла замуж за короля Королевства Цяньчжан. Кроме красивой легенды, эти эльфы Пустоты ничего не оставили своим полукровным потомкам. Даже глубокие глаза и чистая кожа не сохранились.

— Я — Шаньча Янься. Я — наставница-нянька принца Мэнлуна.

Произнося это, нянька даже не взглянула на Синхэ; она держала голову высоко поднятой, а уголки её глаз искоса следили за герцогиней.

— Дитя, очевидно, твой учитель обучил тебя тому, как надлежит быть наследником герцога. Но он явно не учил тебя придворному этикету.

Синхэ украдкой бросил взгляд на герцогиню: её лицо сияло от улыбки, и, казалось, она совершенно не уловила шпильки в словах няньки Шаньча. Синхэ опустил голову, уставившись на собственные ступни — это был урок, усвоенный от господина герцога. Либо опускай голову и сноси брань, либо держи её поднятой и получай палками.

Нянька Шаньча осталась весьма довольна тем, что юный маркиз опустил голову — этот мальчик явно был приучен к дисциплине. По сравнению с Янь Суном, виночерпием принца Сюань Яо, Синхэ выглядел куда более покорным. Янь Сун, младший сын герцога Гао Хуая из рода Байлу, был сущим дикарём: он засыпал едва стоило ему раскрыть книгу, зато на тренировках по боевым искусствам расцветал; для него каждое слово на странице звучало заклинанием сна. Будучи младшим сыном, он не мог рассчитывать на наследство и владел лишь пустым дворянским титулом, но при этом вёл себя с такой высокомерностью, будто был наследным принцем! Он вечно глядел на няньку Шаньча свысока. И на беду, нянька Фупин была тупицей и простофилей, совершенно не умевшей его усмирить!

— Нянька впервые у нас в гостях, вам сперва стоит взглянуть на свою комнату. — Герцогиня наконец почувствовала некоторую неловкость. — Урокам не обязательно следовать сию же минуту.

— Я пробуду здесь всего полдня, в устройстве комнаты нет нужды. — Нянька Шаньча явно не оценила заботу герцогини. — У принца Мэнлуна множество дел, требующих присмотра. Страшно представить, во что всё превратится без моего присмотра.

— Да. Принц ещё так мал, а императрица вот-вот разрешится от бремени. Всё вокруг держится на ваших плечах. — Герцогиня ничуть не сочла себя оскорблённой. — Я просто подумала, что вы прибыли сюда в спешке прямо из дворца, а после урока вам придётся так же спешно возвращаться обратно — это ведь огромный труд. Именно поэтому я распорядилась подготовить для вас лучшую гостевую комнату на случай, если няньке потребуется отдохнуть. Разумеется, всё зависит от вашего решения.

— Что ж, давайте взглянем. — Нянька Шаньча наконец почувствовала искренность и чуткость герцогини. — Вы невероятно любезны, госпожа.

Герцогиня с облегчением тайком перевела дух и с усердием двинулась вперёд, указывая дорогу, при этом строго наказав всем слугам оставаться в кабинете. Синхэ догадался, что на уме у герцогини: вчера вечером он тайком заглядывал в ту комнату — на кровати стояла маленькая шкатулка из чёрного лака, доверху набитая золотыми монетами и драгоценностями.

Едва герцогиня и нянька удалились, оставшиеся у дверей слуги вошли внутрь. Все они прибыли вместе с нянькой Шаньча: один принялся извлекать из узелка книги и учительскую указку, второй начал наводить порядок на кафедре. Третий же не спеша направился к Синхэ и приветственно кивнул:

— Господин герцог сегодня дома?

— Нет. — Синхэ немного растерялся, но всё же честно ответил: — Он редко бывает дома. Его Величество Император выделил ему башню во дворце. Вы прибыли из дворца и наверняка видели Башню Премьера.

— Мы не из дворца. — Отозвался со своего места слуга, прибиравшийся на столе. — Господин,

мы — книжники из Храма Небосвода. Для нас великая честь быть избранными для служения вашему обучению.

— Да. Для меня это честь. — На губах приближавшегося слуги заиграла усмешка. Он неспешно извлёк из рукава тонкий и короткий кинжал и медленно поднял его. — Жаль только, что твоего отца здесь нет.

Увидев кинжал, Синхэ почувствовал, как его сердце бешено заколотилось, а голос задрожал:

— Т-ты... что ты задумал?

Слуга с кинжалом в руке резко развернулся — раздался звук, похожий на влажное хлюпанье, когда вилка вонзается в жареную курицу, и клинок со злобой вошёл в грудь слуги, разбиравшего бумаги. Тот застыл с лицом, искажённым от ужаса и дикой боли, широко разинул рот, но не издал ни звука, а его тело, подобно речной змее, постепенно обмякло и рухнуло на пол. Второй слуга, услышав шум, инстинктивно обернулся. Но стоило ему лишь повернуть шею, даже не успев развернуться всем корпусом, как ледяной кинжал насквозь пронзил его горло.

Глаза Синхэ вылезли из орбит, сделавшись размером с медные колокольца, а в голове непрерывно звучал единственный голос: «Уходи! Беги!». Однако ноги словно налились свинцом, и оторвать их от пола было невозможно. Ладони и спина покрылись холодным, липким потом. Бежать он уже не мог, и тот же голос в голове подсказал: «Кричи! Зови на помощь!». Но горло Синхэ дрожало, и из него не вырывалось ни звука.

Слуга, занимавшийся книгами, повалился навзничь; он ещё не испустил дух, а его глаза казались готовыми вместить в себя весь мир. Тело его непрерывно содрогалось, из зияющей раны на горле доносилось тихое бульканье, и ярко-алая кровь змейкой потекла по шерстяному ковру, прокладывая собственное русло среди узоров, подобно бурлящему потоку.

Слуга с кинжалом в руке с улыбкой направился к Синхэ. Заметив, что мальчик даже не шелохнётся, он издал восхищённое цоканье:

— Яблоко от яблони недалеко падает, а ты храбр, малыш. Скажи-ка мне, где твои Лунные Ключи?

Эти слова заставили Синхэ мгновенно опомниться от царившего в голове тумана: поступил бы так его отец?

Синхэ резко схватил со стола ту самую толстую энциклопедию и швырнул её в приближающегося слугу. Едва выпустив книгу из рук, он бросился к двери. Он твердил себе, что нельзя паниковать, но на бегу всё же споткнулся о стул, потерял равновесие и чуть не рухнул плашмя — спасло лишь то, что он задел ножку стула и его тело по инерции подалось вперёд. Кинжал убийцы свистнул рядом, рассе Кав кожу на спине, но не пронзив сердце.

Преодолевая дикую боль, Синхэ продолжил свой бег к выходу. Всего дюжина шагов от стола до двери показалась ему бесконечным путём из ада в рай. Едва он сделал пару шагов, как настигший его слуга со всего маху пнул мальчика в спину. Раздался глухой удар, и Синхэ отбросило прямо на выступающий каменный косяк камина. Лоб со всего размаху врезался в угол. Боли он почему-то не почувствовал, но лицо мгновенно залило потоком горячей крови, в глазах потемнело, в голове зашумело, а сердце заколотилось с безумной скоростью. Синхэ инстинктивно судорожно прижал ладони к груди, словно боясь, что стоит отпустить руки — и сердце выпрыгнет наружу.

— Мелкий ублюдок, я спрашиваю в последний раз: где твои Лунные Ключи? — Убийца взмахнул кинжалом. — Скажешь — и я оставлю тебя в живых.

В его взгляде читалась такая лютая свирепость, будто голодный ворг глядел на жирного кролика; в нём не было и тени жалости. Синхэ вгляделся в эти глаза — даже свирепый и жестокий господин герцог никогда не смотрел на него так.

При мысли об отце Синхэ дрожащими губами, заикаясь, выдавил из себя:

— В... в кабинете моего отца...

Чтобы попасть в кабинет господина герцога, требовалось миновать караульную комнату на третьем этаже. Как раз сейчас шла смена караула, и там должно находиться четверо стражников!

Но услышав ответ Синхэ, убийца усмехнулся:

— Как жаль, господин маркиз. Я-то тебя не убью, но мой кинжал так хочет отведать твоей кровушки!

Он резко взмахнул рукой. В голове у Синхэ гроыхнуло; в этот миг, когда лезвие ещё не опустилось, его сердце, казалось, и вовсе перестало биться. Всё вокруг внезапно погрузилось в тишину, а любые звуки сделались донельзя резкими и отчётливыми — Синхэ смутно расслышал, как герцогиня спускается по лестнице: её деревянные сандалии стучали по мраморному полу подобно клюву дятла в безмолвном лесу.

— Гнев Звёзд, рази души!

У дверей раздался резкий, пронзительный окрик — он звучал как стихотворная строка, но лишённая рифмы. Едва раздался голос, как от порога со свистом отделился ослепительный пучок звёздных стрел. Полетев вперёд с глухим хлопком, они безошибочно вонзились в замахнувшегося кинжалом убийцу. Плечи, грудь и живот нападающего покрылись множеством тонких, глубоких ран. Однако звёздные стрелы несли в себе леденящий до костей мороз — все раны мгновенно покрылись корочкой инея, и кровь даже не брызнула наружу.

Убийца в ужасе обернулся, уставившись остекленевшим взором вперёд: на пороге стоял утончённый монах, наброшенный на плечи плащ из звёздного света ясно указывал на его сан. Убийца широко раскрыл рот, из горла вырвалось бульканье — он явно хотел что-то сказать, но не смог вымолвить ни единого звука. С глухим стуком он рухнул прямо к ногам Синхэ. Его кинжал со звоном откатился к камину, ярко сверкнув в отсветах пламени.

Синхэ с замирающим сердцем поднял голову и увидел подбежавшего к нему монаха с перекошенным от тревоги лицом:

— Слава Богине! Я забыл здесь свою книгу!

Монах подхватил Синхэ на руки, и мальчик с удивлением почувствовал, сколь крепким под тощей рясой оказалось тело этого человека — сквозь плотную ткань он отчетливо ощущал силу его рук.

— О небеса! — из коридора донёсся истошный визг няньки Шаньча. Бросив взгляд из-под опущенных ресниц, Синхэ увидел, как, издав ещё пару воплей, она подхватила падающую в обморок герцогиню. Сама же герцогиня таращила глаза, точно два варёных куриных яйца.

Монах кивнул им:

— Не бойтесь, это лишь поверхностные раны. Живо позовите господина премьер-министра. А я отведу его в спальню отдохнуть.

<http://bllate.org/book/21187/2145313>